

А.Е. Козлов

ОТ ЛАЗАРЯ ДО ПЕТРАШЕВЦЕВ: ВООБРАЖЕНИЕ СИБИРИ В АЛЛЕГОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Н.Д. АХШАРУМОВА «ГРАЖДАНЕ ЛЕСА»¹

Рассматривается феномен пространственного воображения в сюжетосложении аллегорической повести Н.Д. Ахшарумова. Обращаясь к максимально обобщенному сибирскому топосу и игнорируя этнографические сведения, писатель конструирует антиутопический сюжет, отталкиваясь от романов Н.Г. Чернышевского и Ф.М. Достоевского. Сибирь как пространство воображения становится топосом эксперимента, продолженного писателем в его фантастической повести «Ванзамия».

Ключевые слова: Н.Д. Ахшарумов, сибирский текст, константы и переменные, фабула и сюжет, вторичность и альтернативность, русская литература XIX в., Достоевский.

К концу 1860-х гг. в русской периодике был накоплен значительный материал, позволяющий составить представление как о географии и этнографии, так и повседневности сибирской жизни. Вместо монолитного чужого пространства, населенного малыми народностями (или так называемыми инородцами), путевые очерки и заметки, воспоминания и письма формировали представление о разнообразии сибирской жизни и ее региональной специфике. Вместо пределов $\lim 1$ «Царство мертвых» и $\lim 2$ «Новый свет» складывались отдельные точечные представления, позволяющие составить довольно полную картину местной жизни, существенно корректирующую и романтические, и просветительские стереотипы. Этому вопросу посвя-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

щены многие ставшие классическими работы и современные исследования о «константах» и «переменных» сибирского текста [1–10].

Как известно, «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского стали стимулом для создания очерков, открывающих новое измерение повседневности – подробности острожной жизни исключенных из общества, отверженных людей. Так, например, никогда не бывавший в Сибири Н.С. Лесков в своем очерке «Леди Макбет Мценского уезда» воспроизводит описание этапа по запискам Достоевского, из-за чего движению по Волге сообщаются коннотации схождения в царство мертвых, традиционно соотносимого с путешествием в Сибирь [11].

Сходное явление «пространственного воображения» [12] представляет собой повесть другого современника Достоевского Н.Д. Ахшарумова. Опубликовавший в «Отечественных записках» повесть «Двойник» в год, когда петрашевцы были этапированы в места ссылки (1850, среди них и брат писателя – Д.Д. Ахшарумов), выступивший «соперником» Достоевского в романе «Чужое имя» (вышедшем одновременно с «Униженными и оскорбленными» в 1861 г.), наконец, ставший сотрудником журнала «Эпоха» («Мудрое дело» – 1864), Ахшарумов вступил в новую фазу соперничества в 1867 г., став читателем и критиком романа «Преступление и наказание». Статья Ахшарумова, посвященная разбору романа, изобличает своеобразный *страх влияния* [13]: на протяжении своего разбора он неоднократно допускает функциональную мену позиции критика и автора [14], фактически переписывая исходный текст².

Ключевые для понимания романа мотивы представлены Ахшарумовым как ложные, неудачные, спорные. Он ставит под сомнение воскресение главного героя и образ Нового Иерусалима:

² «Мы с беспокойством осматриваемся, мы ищем напрасно чего-нибудь, что помогло бы нам ориентироваться, узнать достоверно: где мы, с какой стороны вошли и куда нас зовут?.. Первое впечатление, производимое романом г-на Достоевского, действительно таково, и мы не можем сказать, чтобы оно было приятно. Оно похоже скорее на то, что мы ощущаем в минуты тяжёлого, страшного сновидения...» [15. С. 130]; «Он силится устоять и хватает нас за руку; но ноги его скользят в крови. Вместе с его ногами скользят и наши... Мы слились с ним; мы не можем себя отделить от него, не смотря на то, что он гадок нам...» [15. С. 131].

Вернёмся к Раскольникову. Человек этот кается; но и кается он так же, как и согрешил, противоречиво и непоследовательно, какими-то трансами и припадками. Двадцать раз убедаясь и сознавшись, что он виноват кругом, на двадцать первый он возвращается снова к своим теориям и начинает опять твердить, что он, в сущности, прав и что ошибка его только в том, что он считал себя человеком, между тем как он просто *вошь*, такая же *вошь*, как и та старуха, которую он уходил. Опять ему начинают мерещиться Наполеоны и Магометы, и опять он не может понять, отчего их не сослали на каторгу, а его сослали. Каким образом совершился в нём окончательный перелом и он перешёл к возрождению, это было бы любопытно узнать; но на это в романе есть только одни намёки. Мы знаем, что главным двигателем была любовь – и любовь к Соне; но даже и это рассказано второпях, суммарным приёмом всех эпизодов. По свидетельству автора, он стал совершенно другим человеком и начал новую жизнь, которая могла бы служить предметом другого рассказа, а этот кончен [15. С. 154].

Будучи противником любых радикальных социальных преобразований, отстаивая свою позицию «внепартийного» литератора, Ахшарумов не мог принять во многом утопического финала «Преступления и наказания». Не сумев разрешить эту задачу аналитически, критик далее подошел к ней эстетически. Противоречие, обнаженное в статье, получило развитие в сюжете и ценностной архитектонике повести «Граждане леса», печатаемой в следующем номере того же журнала «Всемирный труд».

Ахшарумов начинает свое произведение с той точки и тех координат, которыми, собственно, заканчивается «Преступление и наказание». Находящийся на поселении в Сибири золотоискатель и охотник, бывший каторжник Лазарь реализует просветительский проект: он дает животным язык и закон³, учит их социальным принципам общежития, создавая некоторое подобие фаланстера.

³ Особое внимание критиков и читателей к «социальности» фауны было вызвано публикацией «Жизни животных» А. Брема, трактата о языке В. Вундта и «Начал общей психологии» Г. Спенсера. Следует отметить, что в журнале «Всемирный труд» публиковалась статья М. Петри «Умственная жизнь животных» (1867. № 6), где убедительно доказывалась невозможность обучения животных человеческому языку. В черновых записях, озаглавленных «О представительном смысле имени», Ахшарумов возвращается к этой проблеме.

История героя рассказана в романе через многочисленные фигуры умолчания:

С ним были деньги и кое-какая одежда, но кто он и каким образом очутился в лесу, об этом особого разговора не было. Его звали Лазарем⁴. Он был от природы крепко сложен и здоров, но бледен и истомлен с лица. Он был не стар, но ранняя седина пробивалась у него в волосах, и на лице лежали следы страданий. <...> Сумрачный, молчаливый – он редко участвовал в разговорах, – однако ж легко было угадать, что не гордость удерживала его. Он был кроток и прост, как дитя [16. № 4. С. 4–5].

Герой Ахшарумова, получив дар понимания животного языка, собирает зверей со всего леса, огораживает территорию, в которую могут быть вхожи только граждане, принявшие законы нового общества, имеющего свою *думу, управу, суд и армию*. В данном фрагменте можно увидеть отчетливую параллель с Книгой Бытия (Лазарь как Ной):

И, действительно, Лазарь расслышал вдали смутный гул, как будто от тысячи голосов и шагов, стремящихся прямо к нему навстречу. У него сердце забилося, дух захватило... Перед ним был авангард движения. <...> Олени и лоси рогатые, дикие козы, пушистые соболи и бобры, горностаи, куницы, хорьки, серые волки, пегие барсуки, кабаны, полосатые рыси с густыми, желтыми бакенами и с беленькими султанчиками на остроконечных ушах, белки, кроты, хомяки, байбаки, землеройки, – все это высыпало стадами и окружило Лазаря... Земли не видать было на сто шагов кругом, так густо столпились звери, а в воздухе стало темно и ветви деревьев гнулись от множества птиц [16. № 5. С. 95].

Воспроизводя традицию бестиария, Ахшарумов, перечисляя названия разных особей, тем самым демонстрирует многообразие форм органического мира. Героем постепенно осуществляется устройство общества в соответствии с Книгой Царств и мифологическим стремлением к золотому веку. Тем не менее сегрегация общества, отбор тех, кто может войти в заповедную землю, отчетливо

⁴ При вероятной отсылке к эпилогу «Преступления и наказания» имя героя, вероятно, связано с поэмой О. Барбье «Лазарь», читаемой и обсуждаемой петрашевцами. Оба текста сближает скептический взгляд на цивилизацию и отрицание гуманизма как универсальной и безусловной ценности.

коррелирует с идеей нового спасительного порядка *для избранных* (как в заключительном сне Раскольникова), исключая возможность осуществления демократической утопии.

Изначально, надеясь утвердить новый порядок в животном мире, Лазарь руководствуется идеями Руссо о пагубности цивилизации: «Сущность его объяснения состояла в том, что дурное способно идти вперед также как и хорошее, если не больше его; – что люди глубоко испорчены; – что чем дальше они ушли на пути их развития, тем труднее их исправлять, и что теперь эта трудность дошла до огромных размеров, потому что они уже несколько лет шли по ложной дороге. То, что они нашли и усвоили себе на этой дороге, – называется вообще, – сивилизация» [16. № 4. С. 36]⁵. Герой выступает как идеолог и теоретик, фактически приближающийся к жизнестроительству, своими действиями буквально претворяя в жизнь формулу одного из персонажей Достоевского: «ведь природу поправляют и направляют».

Пришедший к нему лесной народ Лазарь ведет за собой и, видя нарушение существующих порядков, дает гражданам закон (Лазарь как Моисей).

К вечеру в новой общине провозглашен был публичный устав об убийстве, разбое и грабеже, и Лазарь вырезал его крупными буквами на дверях избы, что, впрочем, напрасно было, потому что никто из зверей читать не умел [16. № 5. С. 102].

Данный эпизод является одним из образующих в сюжетной организации произведения, поскольку здесь утверждается роль закона, которому принявшие его веруют слепо, не зная грамоты. Фактически Лазарь-законотворец навязывает обществу исполнение таких правил, смысл которых доступен только людям.

⁵ Знаменательно, что именно в таком ключе Ахшарумов интерпретирует роман Б. Ауэрбаха «На высоте»: «...автор имел намерение изобразить нам <...> идею высшей цивилизации, утратившей чистоту народного духа и осужденной на смерть, если она не покается и не вернется к первобытному, неиспорченному источнику, который один может омыть ее грехи и вдохнуть в нее свежую силу <...> В цивилизации этой все ложь и притворство <...> В сердце своем они дикари, они стремятся к дикой свободе права естественного, а в отношении к обществу – воры» [17. С. 108–109].

По мере развития сюжета, во многом предвосхищая Жюль Верна и Герберта Уэллса (очевидно, не без влияния Бульвер-Литтона), Ахшарумов демонстрирует искусственность человеческих порядков, механически насаждаемых в животном обществе. Ни направление, ни, тем более, *поправление* природы не дают ожидаемого эффекта:

Все то, что ты навязал им, весь этот призрак устройства, порядка, законов, разумной связи, все это было и будет для них пустою формой, которую они сбросят при первом удобном случае и в один день вернутся к старому, дикому быту. <...> Кто нам присвоил право насильно ломать их простодушные верования, насильно навязывать им то, чего ни один между нами не понимает... [16. № 5. С. 53].

Возвращаясь к конфликту, осмысленному еще в эстетике и философии эпохи Просвещения, Ахшарумов демонстрирует консервативность животного мира. Желая навести порядок Лазарь предстает своеобразным преступником, отвергающим логику законов природы, в то время как его антагонист лис Елисеевич, напротив, понимает подлинные потребности своих соплеменников. Глядя на животный мир, Лазарь убеждается, что «все помыслы и стремления его постояльцев ограничены узкою рамкою личной нужды и домашних забот» [16. № 5. С. 24]. В то же время создаваемая им *рамка гражданственности* оказывается лишь «...гнилой изгородью, сколоченной теми же старыми ржавыми гвоздями».

Лазарь, как и герой Достоевского, является идеологом, чьи концепции преображения мира имеют отчетливо маркированные негативные коннотации.

...но все это было последствие внешней, грубой, почти механической силы, а в нравственном смысле – ложь, потому что лечение, направленное против одних наружных симптомов зла, не могло уничтожить его постоянных причин, и сознание этого недостатка мучило Лазаря. Голова у него была наполнена новыми, светлыми взглядами на подобного рода вопросы; теории неизмеримых объемов, идеи неисчерпаемой глубины бродили в ней с давних пор, и он, разумеется, горел нетерпением осуществить их как можно скорее при этом, по-видимому, весьма удобном случае, а между тем осуществление это, в данный момент, каждый раз, как на зло, оказывалось то неудобно, то преждевременно, и он с неопи- санным отвращением должен был вваливаться на каждом шагу в ту самую колею старой рутины, против которой он задавал себе тяжкий вопрос [16. № 5. С. 77].

Социальный эксперимент в итоге завершается неудачей: «граждане леса» начинают поклоняться олицетворенному символу животного первобытного страха – тотему Великой мухи: «Жертву растягивали на камне, и лис, торжественно наклонясь над нею, перекусывал ей становую жилу» [16. № 6. С. 7]. После этого в обществе разгорается восстание, насильственно культивируемая демократия терпит поражение и уступает авторитаризму (Елисеевичу и его приспешникам) и тотемизму (с архаическими законами и жертвоприношениями). Избирая тотем Великой мухи, лесные жители окончательно теряют свою гражданственность, представая в своем естественном виде и в то же время показывая, что человеку, кем бы он ни был, в их мире нет места (ни для жизни, ни, тем более, для воскресения).

Как следует из вышеизложенной фабульной канвы и сюжетной конструкции, сюжет сказки Ахшарумова представляет собой вариацию на тему «Микромегаса» Ф. Вольтера и «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта или (в русской литературе к ним наиболее близки «Дворянин-философ» Ф. Дмитриева-Мамонова и «Путешествие в землю Офирскую» М. Щербатова) социалистических утопий Кабэ и Сен-Симона, определяющих круг чтения петрашевцев [18–25].

По всей видимости, «Граждане леса» отразили разочарование и неприятие Ахшарумовым социальных проектов от фаланстера Фурье до «хрустального дворца» Чернышевского. Следуя во многом новозаветным максимам (*будьте как дети*), Лазарь в то же время вынужден жить по Ветхому Завету (*око за око, зуб за зуб*). Из этого следует, что Лазарь Ахшарумова в ценностной архитектонике произведения не только не тождествен Лазарю у Достоевского, но, в сущности, противоречит выработанной Достоевским ценностной системе. Вместо метафоры кающегося, обретающего веру и, наконец, воскресающего грешника [26, 27] Ахшарумов через Лазаря осмысляет социальное и онтологическое измерение человека как такового. Меняя таким образом антропологию сюжета, Ахшарумов наделяет его качественно иным идеологическим содержанием, в большей мере соответствующим «Левиафану» Т. Гоббса.

Подобно большинству антиутопий, «Граждане леса» демонстрируют развитие социального проекта в нескольких фазах: становле-

ния гражданского общества, его расцвет и падение. Ахшарумов показывает, как гармония животного мира оказывается во власти одного человека и данного ему слова, как массовый инстинкт (инстинкты *выживания, размножения* и пр.), движимый воззваниями хитрого лиса, превалирует над потребностями каждой особи (*скота* или *твари*, как это следует из текста).

В то же время в основе «Граждан леса» реализуется хорошо разработанный западноевропейским фольклором и литературой сюжет о встрече короля и лисицы, нашедший отражение в поэмах и романах Средневековья [28], наиболее известный по позднейшему переложению И.В. Гёте (первый перевод был осуществлен М.М. Достоевским). Если главными героями «Рейнеке-Лиса» предстают глупый король Нобель и хитрый лис Рейнеке (Ренар), то в адаптации Ахшарумова их место занимают Лазарь и лис Елисеевич⁶, состязающиеся за право первенства в гражданском обществе. Олицетворяющие два альтернативных политических устройства – либерально-демократическое и, соответственно, деспотически-монархическое, эти герои в равной мере далеки от идеала справедливого правления в духе «Икарии» Кабе.

Фактически герой Ахшарумова проходит обратный Раскольникову путь – от веры в гармонию и совершенство природы (или человечности) к трагическому осознанию своего одиночества. Финал повести – смерть Лазаря, представляет своеобразный обвинительный вердикт социальным проектам в широкой перспективе – от фаланстера петрашевцев до нового руссоизма и хождения в народ. Отча-

⁶ Выбор номинации, вероятно, связан с романом «Отцы и дети»: «Ах, какую удивительную статью по этому поводу написал Елисевич! Это гениальный господин!» [29. С. 162]. Знаменательно, что в 1866 г. Г.З. Елисеев язвительно отзывался о «Преступлении и наказании», сравнив его с произведениями Н.Д. Ахшарумова: «Я говорю теперь, что “Натурщица” г. Ахшарумова несколько не ниже, а напротив выше романа г. Достоевского... Всё это чепуха и галиматья, но чепуха и галиматья не кровавая, как у г. Достоевского, а добродушная, безобидная, веселая, игривая» [30. С. 43]. Обычно не вступавший в литературную полемику Ахшарумов мог в данном случае отомстить своему оппоненту за резкую рецензию, сделав его антагонистом Лазаря. «Граждане леса» в этом контексте обретают еще и черты памфлета, что сближает этот текст с другими полемическими текстами: романом «Мудреное дело» и повестью «Натурщица».

сти это объяснялось жизненным опытом: вера в провиденциальное начало, обретенная Достоевским в Омском остроге, оказалась категорически чуждой скептику и атеисту Ахшарумову, стоящему в стороне от социальных поисков своего времени [25]. Поэтому в конфликте *natura* и *ratio* в антиутопии Ахшарумова побеждает *natura* [31]; вместо фейербаховского тезиса «Человек человеку бог» (*Homo homini deus est*) на первый план выходит сентенция, воплощающая логику развития цивилизации: «Человек человеку волк» (*Homo homini lupus est*). Ахшарумов соглашается с Достоевским только в одном: для переустройства общества «...нужно кое-что повыше скотского разумения. Нужна любовь и нужно самопожертвование» [16. № 6. С. 72].

Кроме представленных «силовых линий» интертекста, рассмотренный сюжет провоцирует к поиску определенных прототипов и социально-политических аллюзий⁷. В первую очередь значение здесь имеет история семьи. М. Семевский писал в своих воспоминаниях: «Познакомился с семейством Ахшарумовых (с четырьмя из пяти братьев): Старший (Н.Д.) – философ и писатель, второй (Владимир) – поэт, третий – политико-эконом и хозяин, последний – сотоварищ Петрашевского, сосланный в арестантские роты Херсона» [33].

Действительно, Николай Дмитриевич, как и два его брата, посещавший «собрания обвиняемых в злоумышлении лиц, именно Дебу и Кашкина» и вступавший «в разговоры об учении Фурье, но безо

⁷ Уже в психологическом портрете Лазаря: «усталость желания и надежды, утомление оскорбленного сердца, чувство чего-то надорванного и сломанного внутри, которое убивало всякую веру в возможность счастья, в способность ужиться с людьми» [16. № 4. С. 15], можно выявить маркеры, часто используемые современниками при описании петрашевцев. «Круг этот составляли люди молодые, даровитые, чрезвычайно умные и чрезвычайно образованные, но нервные, *болезненные* и *поломанные*. В их числе не было ни кричащих бездарностей, ни пишущих безграмотностей, – это явления совсем другого времени, но в них было что-то *испорчено, повреждено*» (курсив А.И. Герцена. – Е.К.) (Герцен А.И. Былое и думы [32. С. 108]). На то обстоятельство, что Лазарь – политический ссыльный указывает, в частности, следующий фрагмент: «Говорили о дальнем западе, о пылких надеждах молодости, жизнью разбитых в прах, об уцелевших и погибших друзьях» [16. № 6. С. 7].

всякого участия в злоумышлении»⁸, был арестован по апрельскому делу о политическом заговоре, однако перед судом не предстал.

Иначе сложилась судьба его брата, выпустившегося из университета по восточному отделению, кандидата Дмитрия Ахшарумова. «Это необыкновенно способный молодой человек... после каземата крепости провел два (1/2) ужасные года в Херсоне, затем протянул семилетнюю солдатскую ляжку на Кавказе, участвовал в 30 экспедициях, добился офицерства... вышел в отставку – для чего бы вы думали? Для того, чтобы поступить... студентом в медицинскую академию» [33], – писал о нем Семеvский.

Убежденный в правоте идей Сен-Симона и Фурье, Ахшарумов был активным участником политического кружка. В своей речи, произнесенной 7 апреля 1849 г. на обеде в честь Фурье, он обратился к собеседникам с горьким обличением⁹. В приговоре петрашевцам имена Ахшарумова и Достоевского соседствуют. Тем не менее, дав признательные показания против Бутаевича-Петрашевского и Спешнева и отчасти благодаря служебным связям Ахшарумов был приговорен к полутора годам пребывания в Херсонских арестантских ротах [34–38].

К моменту создания «Граждан леса» Дмитрий Ахшарумов, к тому времени закончивший медицинский факультет Петербургского университета, доктор медицины, начал писать свои воспоминания¹⁰. Они увидят свет только в конце XIX в., но значительно раньше станут семейным преданием. Логично предположить, что многие эпизоды обсуждались в узком семейном кругу, вызывая сочувствие трех бывших политических заговорщиков.

В отличие от большинства петрашевцев, для Дмитрия Ахшарумова опыт травмы был связан не с гражданской казнью на Семеновском плацу, а собственно с одиночным заключением. В своих воспоминаниях Дмитрий Ахшарумов рассказывает о постепенном отча-

⁸ Протокол секретной следственной комиссии от 09.09.1849 // ГАРФ. Ф. 1. Оп. 184. № 214. Ч. 122.

⁹ См. приложение.

¹⁰ «Я живу только надеждою (без надежды не может жить человек) на лучшее, но я, до вашего последнего письма, не считал возможным при жизни моей напечатание моих записок и присвоил уже им название “посмертных”» (цит. по: [33]).

янии и безумии, охватывающем его. Полагая, что участники кружка будут сосланы в Сибирь, он ждал такой участи как вознаграждения:

В Сибирь, на каторгу, – говорил я, – одно спасение для меня, одна отрада! Когда бы скорее она пришла! Все остальное казалось мне ужасным [39. С. 89].

<...>

Каторжная работа, ссылка в Сибирь, казались мне величайшим и единственно возможным будущим моим счастьем, и с трепетом сердца я жаждал скорейшего окончания нашего дела [39. С. 89].

<...>

Я целыми днями говорил, мыслил словами и, думая о будущем, мечтал о предстоящей мне, столь мною желаемой, жизни в рудниках, вместе с другими людьми, может быть, с некоторыми из товарищей моих – там отдохну я от этого одиночества! И выживу срок, может быть, не столь продолжительный и буду жить поселенцем в Сибири, стране, хвалимой столь многими, оттуда вернувшимися [39. С. 103].

Обреченный социалист начинает грезить о Сибири как итоге своего страстного пути. Фиксируя в своих воспоминаниях «надрывы в стихах и прозе», Ахшарумов приводит одно из стихотворений на заданную тему.

О, Боже, праведный! Спаси и сохрани
Мой павший дух в тюрьме от истомленья.
Сибирь и каторга – мечты мои одни, –
В них счастье все мое и радость избавленья [39. С. 58].

Наконец, выслушав приговор, Дмитрий Ахшарумов свидетельствует о том, что известие о ссылке в Херсон расстроило его:

...жалел только, что назначен был в арестантские роты неизвестно куда-то, а не в далекую Сибирь, куда интересовало меня дальнейшее, весьма любопытное путешествие.

Сожаление мое оправдалось впоследствии горькой действительностью: сосланным в Сибирь, в общество государственных преступников, в страну, где уже привыкли к обращению с ними, было гораздо лучше, чем попавшим в грубые, невежественные арестантские роты, в общество воров и убийц и при начальстве, всего боящемся [39. С. 128].

Как можно увидеть из приведенных фрагментов, Сибирь воспринималась политическим преступником как обещанная земля, в

сравнении с которой Херсон становился своего рода антимиром. Своеобразным испытанием является вхождение бывшего чиновника в арестантскую среду: не находя общего языка с тюремной администрацией и российскими заключенными, он внезапно находит сочувствующих среди пленных турок, отказавшись от русского языка и перейдя на восточный.

Другой, не менее значимый сюжет связан с фигурой самого Петрашевского. Деятельность Петрашевского оценивалась многими его современниками как экстравагантная и маргинальная и провоцировала многочисленные анекдоты. Один из них известен нам по пересказу В.Р. Зотова. Рассказывая о популярности идей Фурье, Зотов подчеркивает, что Петрашевский пытался устроить жизнь своих крестьян на новых началах.

...он повел беседу о том не лучше ли будет крестьянам вместо того, чтобы подновить свои избы на заведомо нездоровом месте, выстроить в бору, на сухой почве, одну просторную новую избу, где бы поместились все семь семейств, каждое в отдельной комнате, но с одной общей кухней для стряпни и такой же залой для общих зимних работ и посидков, с надворными пристройками и амбарами для домашних принадлежностей, запасов и инструментов, которые также должны быть общими, как и вообще все крестьянское хозяйство. Барин долго развивал все выгоды такою общежития, обещая, конечно, все устроить на свой счет, купить заново все необходимые сельские орудия и домашнюю утварь: горшки, чашки, плошки [40. С. 15].

Зотов подчеркивает, что барин положил осчастливить *детей природы вопреки их желаниям*. Однако эти *дикари, сущие звери* восприняли инициативу экстравагантного реформатора как прямую угрозу общине. Анекдот завершался словами самого Петрашевского: «Приезжаю рано утром и нахожу на месте моей фаланстерии одни обгорелые балки. В ночь они сожгли ее со всем, что я выстроил и купил для них» [40. С. 17].

Разумеется, воспоминания Зотова, изданные в 1890 г., не заслуживают доверия и полностью сочинены [41]. В конструировании цитируемого эпизода Зотов явным образом обращается к ресурсам художественной литературы: диалог барина и старосты («Отцы и дети», «Война и мир»), поджог имения («Дубровский»). Тем не менее подобные анекдоты бытовали в среде русских фурьеристов и за ее

пределами и косвенно могли быть известны Ахшарумовым как членам кружка Львова, Дебу и Петрашевского.

Следует добавить, что в декабре 1866 г. сосланный в Минусинск Петрашевский умер, что наряду с завершением романа «Преступление и наказание» могло стать импульсом для создания Ахшарумовым аллегорической повести. Тогда в фигуре Лазаря заключена не символическая концепция метанойи [27], а три образа-прототипа: брата Дмитрия, писателя Достоевского и идеолога Петрашевского.

В частности, к подобному выводу приходила уже современная писателю критика, дипломатично «не заметившая» типологической связи повести с романом «Преступление и наказание»:

Скажем еще раз: критика становится в тупик перед таким произведением, как «Жители леса». Что это такое? Сатира на кабинетные утопии Лазаря, лишённые практичности или вообще на государственное устройство, так как в конце концов община все-таки распадается, несмотря на совершенно уже практическое управление Елисеича? Сатира на суеверие, так как поклонение «великой мухе» изображено в самом карикатурном виде, или вообще отрицание необходимости каких бы то ни было религиозных верований для народа, так как никакой другой религии, кроме этого поклонения великой мухе, в лазаревой общине не было, и так как это поклонение умышленно противопоставлено рациональному устройству общины? Думал ли автор представить в лице Елисеича какого-нибудь известного политического интригана, или должны мы верить автору, что он и впрямь просто захотел потешить читателей сказочкой, вдохновившись помещенным в том же журнале книжки журнала трактатом об умственной жизни животных? Но этот трактат – серьезный трактат...

Итак, тайна творчества г. Ахшарумова остается тайною... [42. С. 2]¹¹.

В заключение зададимся вопросом о параметрах пространственного воображения. Небогатая событиями летопись жизни Николая Ахшарумова, ведущего после 1849 г. жизнь литературного затворника, позволяет составить представление об основных маршрутах его путешествий – обычно это была западная Европа, европейская (Псков, Москва) и южная части России (Кавказ, Полтава). Доподлинно известно, что дальше Перми писатель никогда не выезжал, ни в Сибири, ни на Дальнем Востоке он также не был. Он игнорировал

¹¹ В толстых журналах повесть Ахшарумова критической оценки не встретила.

путевые очерки и записки, рассказы знакомых (Гончарова, Чаева и Достоевского), карты и атласы. Более того, создавая свою аллегорическую повесть, он – эрудированный читатель своего времени – нарочито отказывается от каких-либо этнографических реалий, создавая максимально обобщенный сюжетный топос.

Итак, Ахшарумов создавал пространство с чистого листа. Обращаясь к самой примитивной модели сибирского текста и отталкиваясь от сильных текстов (вероятнее всего, «Войнаровского» и «Преступления и наказания»), Ахшарумов интуитивно определил два его предела: повесть, начинающаяся как история Нового Света, заканчивается схождением в царство мертвых. Сибирь, ставшая частью идеологического проекта и обнаружив возможности для утопического восприятия, оказалась обратимой и легко транспонируемой в антиутопию.

Таким образом, несмотря на невысокое эстетическое качество и многочисленные формальные огрехи¹², «Граждане леса» остаются одним из значимых свидетельств пространственного воображения, позволяя увидеть в выборе топоса как идеологические (от Икарии до фаланстера), так и условно биографические коннотации (от семейных преданий до политических анекдотов).

Опыт сибирской «Икарии» воплотится в дальнейшем в поздней антиутопии писателя «Ванзамия»¹³, время и действие которой отнесено дальше от земли – в космос и другие галактики. После идеологического воображения Сибири такой исход выглядит закономерным.

¹² В стиливом плане «Граждане леса», отчасти ориентированные на манеру «Народных русских сказок» Афанасьева, являются, пожалуй, одним из самых слабых произведений Ахшарумова. Единственный способ оправдания многочисленных речевых ошибок и грубых нарушений нормативного языка видится нам в нарратологическом подходе к произведению: учитывая, что большинство действующих лиц, согласно конвенциям повествования, – животные, можно предположить, что *эпос* о Лазаре является фольклорным текстом, не написанным, а рассказанным. Этот рассказ, в духе песен Г. Лонгфелло, осуществлен не на литературном языке, а имитирующем и искажающем этот язык наречии животных (в конце повести эпос о Лазаре слагают поющие птицы).

¹³ Сошлемся на интервью А. Рейтблата, которому принадлежит заслуга введения текстов писателя в научный оборот: «...у Ахшарумова есть повесть «Граждане леса», которая за восемьдесят лет до оруэлловского «Скотного двора» написана на тот же сюжет и во многом превосходит ее идейный конфликт» [43].

Приложение

1849, апрель	Ф.М. Достоевский, М.В. Буташевич-Петрашевский, Д.Д. Ахшарумов и Н.Д. Ахшарумов арестованы
1849, декабрь	Гражданская казнь и ссылка Достоевского, Петрашевского и Д. Ахшарумова
1866	В «Русском вестнике» издан роман «Преступление и наказание»
1866	Смерть М.В. Буташевича-Петрашевского
1866	Дмитрий Ахшарумов становится доктором медицины и начинает работу над своими воспоминаниями

Д.Д. Ахшарумов
Херсонь (1850)

Степная глушь, Сибирь вторая,
Херсонь, далекая Херсонь¹⁴,
Куда, российский снег бросая,
Меня завез курьерский конь.

Зима без снега, ветер, вьюга
Оледеневших средь равнин;
А летом солнца зной, недуги, –
Вот край, где я живу один!

Где я, тоску превозмогая,
Хожу и бледный и худой,
С обритой полуголовой –
Под тяжелой лапой <Николая>¹⁵.

В неволе жизнь моя томится,
Среди убийц, среди воров,
Ах, лучше мне они сторицей,
Чем мир жиреющих рабов¹⁶;

¹⁴ В начале текста проводится мысль о тождестве Херсонской и Сибирской ссылки. Речь может идти исключительно о пространственном воображении, поскольку Дмитрий Ахшарумов, как и его брат Николай, никогда не был в Сибири.

¹⁵ Рифма восстановлена по изданию: [44].

¹⁶ Антитеза повторяет гражданский пафос речи 7 апреля 1849 г.: «Мы живем в столице безобразной, громадной, в чудовищном скопище людей, томящихся в однообразных работах, испачканных грязным трудом, пораженных болезнями, развратом; скопище разрозненное все семействами, которые вредят друг другу,

Здесь душно, грязно, вши заели,
Я худ и голоден всегда,
Но и они все похудели,
И их замучила беда!

Мое исполнилось желанье –
Из каземата вышел я
Во многолюдное собрание
Людей-страдальцев, как и я!¹⁷

Текст воспроизводится по книге: [39]. Точная датировка стихотворения неизвестна.

В невысоком по художественному качеству тексте проводится мысль о тождестве Сибирской и Кавказской ссылок. Психологическая характеристика героя во многом соответствует портрету ссыльного Лазаря в повести Н.Д. Ахшарумова «Граждане леса».

Текст публикуется по правилам современной орфографии и пунктуации.

Литература

1. Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX века (1800–1900 гг.) / сост. А.А. Богданова. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 1970. 53 с.
2. Меднис Н.Е. Сибирские рассказы В.Г. Короленко в контексте русской литературы и культуры XIX века // Сибирские страницы жизни и творчества В.Г. Короленко / отв. ред. Е.А. Куклина. Новосибирск : Наука, 1987. С. 54–63.
3. Меднис Н.Е. Кавказ и Сибирь как два топоса русской литературы и культуры XIX века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2016. С. 21–36.
4. Душечкина Е.В. «От Москвы до самых до окраин...»: Формула протяжения России // Риторическая традиция и русская литература. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. С. 108–125.
5. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
6. Сибирь в контексте мировой культуры / науч. ред. А.П. Казаркин. Томск : Сибирика, 2003. 216 с.

теряют время и силу и обедняются в бесполезных трудах. И там за столицей ползут города: единственная цель, высочайшее счастье для них, апогея их величия недостижимого – сделаться многолюдным, развратным, больным, чудовищным, как столица!» [38. С. 24].

¹⁷ Мотив избавительной ссылки близок тематике «Войнаровского» К.Ф. Рылеева.

7. Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы / науч. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск : Гео, 2011. 311 с.
8. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / науч. ред. К.В. Анисимов. Красноярск : СФУ, 2014. 237 с.
9. «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели / науч. ред. Л.Н. Киселева. Тарту : Universitas Tartuensis, 2012. 565 с.
10. Русский травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск : Немо Пресс, 2018. 829 с.
11. Aizlewood R. Leskov's Ledi Makbet Mtsenskogo uezda: Composition and Symbolic Framework // The Slavonic and East European Review. 2007. № 3. P. 401–440.
12. Анисимов К.В. Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 5–21.
13. Bloom H. The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry. New York : Oxford University Press, 1973. 157 p.
14. Володина Н.В., Сумарокова Л.А. Н.Д. Ахшарумов о романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 4. С. 65–69.
15. Ахшарумов Н. Преступление и наказание. Критика // Всемирный труд. 1867. № 3. С. 130–154.
16. Ахшарумов Н. Граждане леса // Всемирный труд. 1867. № 4–6.
17. Ахшарумов Н. На высоте // Всемирный труд. 1868. № 5.
18. Светлов Л.Б. Русский антиклерикальный памфлет XVIII в. [Ф.И. Дмитриев-Мамонов, «Дворянин-философ»] // Вопросы истории религии и атеизма : сб. ст. М. : Изд-во АН СССР, 1956. Вып. 4. С. 373–382.
19. Кучеренко Г.С. Сенсимонизм в общественной мысли XIX века. М. : Наука, 1975. 358 с.
20. Ланин Б.А. Русская литературная антиутопия. М. : Российский открытый университет, 1993. 199 с.
21. Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного. Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М. : Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
22. Русские утопии / сост. В.Е. Багно. СПб. : Terra Fantastica, 1995. 350 с.
23. Геллер Л., Нике М. Утопия в России / пер. с фр. И.В. Булатовского. СПб. : Гиперион, 2003. 312 с.
24. Егоров Б.Ф. Российские утопии: исторический путеводитель. СПб. : Искусство-СПб., 2007. 416 с.
25. Русский проект исправления мира и художественное творчество XIX–XX веков / отв. ред. Н.В. Ковтун. М. : Флинта, 2014. 403 с.
26. Казаков А.А. Ценностная архитектура произведений Достоевского. Томск : Изд-во ТГУ, 2012. 254 с.

27. Касаткина Т.А. Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М. : ИМЛИ РАН, 2015. С. 187–216.
28. Даркевич В.П. Народная культура Средневековья: Пародия в литературе и искусстве IX–XVI вв. М. : Наука, 1992. 285 с.
29. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. : в 30 т. М. : Наука, 1980. Т. 7. 559 с.
30. Современник. 1866. № 2.
31. Between Dream and Nature: Essays on Utopia and Dystopia / ed. by D. Baker-Smith, C.C. Barfoot. Amsterdam : Rodopi, 1987. 236 p.
32. Герцен А.И. Собр. соч. : в 30 т. М., 1956. Т. 8. 518 с.
33. Семевский В.И. Вступительная статья // Ахшарумов Д. Из моих воспоминаний (1849–1851 г.). СПб. : Изд-е «Общественной пользы», 1905 (без пагинации).
34. Философский век. Альманах. Вып. 12: Российская утопия: От идеального государства к совершенному обществу. СПб. : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. 321 с.
35. Riasanovsky N. Fourerierism in Russia: An Estimate of the Petrashevcy // American Slavic and East European Review. 1953. № 3. P. 289–302.
36. Kaplan F. Russian Fourierism of 1840's: A contrast to Hertsen's Westernism // American Slavic and East European Review. 1958. № 3. P. 161–172.
37. Уланов В.Я. Политические процессы николаевской эпохи. Петрашевцы. М. : Изд. В. Саблина, 1907. 280 с.
38. Дело петрашевцев. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. 3. 518 с.
39. Ахшарумов Д. Из моих воспоминаний (1849–1851 г.). СПб. : Изд-е «Общественной пользы», 1905. 305 с.
40. Зотов В.Р. Петербург в сороковых годах // Исторический вестник. 1890. № 2.
41. Первые русские социалисты / сост. Б.Ф. Егоров. Л. : Лениздат, 1984. 390 с.
42. Голос. 1867. № 177. 29 июня.
43. Рейтблат А. Как становятся социологами литературы. URL: <https://gorky.media/context/kak-stanovyatsya-sotsiologami-literatury/>
44. Поэты-петрашевцы. Л. : Советский писатель, 1940. 296 с.

From Lazarus to the Petrashevtsy: Imagining Siberia in the Allegorical Novel *Citizens of the Forest* by Nikolai Akhsharumov

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 15, pp. 214–235. DOI: 10.17223/24099554/15/13

Alexey E. Kozlov, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Keywords: N.D. Akhsharumov, Siberian text, constants and variables, fable and plot, secondary and alternativeness, Russian literature of the 19th century, Dostoevsky.

The research is carried out within the project “Cultural Universals of the Verbal Traditions of Siberian and Far East Peoples: Folklore, Literature, Language” of the Institute of Philology, SB RAS, under Grants for state support of research conducted under the supervision of leading scientists, Agreement No. 075-15-2019-1884.

The article examines the phenomenon of spatial imagination in the plot and composition of the allegorical story by the critic and writer, member of the Petrashevsky Circle Nikolai Dmitrievich Akhsharumov. Turning to the most generalized Siberian topos and ignoring the numerous ethnographic information accumulated both in periodicals and in special studies, the writer constructs a dystopian plot, drawing on the novels by N.G. Chernyshevsky and F.M. Dostoevsky. Special attention should be paid to the polemic of Akhsharumov with the novel *Crime and Punishment*, which began in a critical article and continued beyond its borders, in a literary text. Akhsharumov begins his work from the point and coordinates where *Crime and Punishment* actually ends. When in a Siberian settlement, a gold digger and hunter, a former convict Lazar implements an educational project: he gives animals a language (according to the method of Robertson and Wundt) and law, teaches them the social principles of community and creates a kind of phalanstery. The social experiment gets out of control and ends in failure: “citizens of the forest” begin to worship the personified symbol of animal primal fear – the Great Fly totem. An uprising flares up to defeat a forcibly cultivated democracy, which yields to authoritarianism and totemism. By choosing the totem of the Great Fly, the forest dwellers finally lose their civic consciousness, appearing in their natural form and at the same time showing that there is no place for people, whoever they are, in their world (neither for life, nor, especially, for resurrection). Like most dystopias, *Citizens of the Forest* demonstrates several phases of a social project: the formation of a civil society, its heyday and fall. Akhsharumov shows how the harmony of the animal world flings itself on mercy of one person and the word given to him; how the mass instinct (instincts of *survival*, *reproduction*, etc.) prevails over the needs of each individual (*cattle* or *creature*, as follows from the text). *Citizens of the Forest* creates an alternative value architectonics, due to which the life path of the protagonist, largely corresponding to the Old Testament, personifies the non-possibility of the resurrection miracle. The article attempts to describe not only intertextual links to political literature, utopias of Fourier, Cabet and Owen, dystopias in the spirit of Hobbes’ *Leviathan*, but also biographical lines associated with portraits of the writer’s brother, Fourierist Dmitry Akhsharumov, and M.V. Butashevich-Petrashkevsky. Akhsharumov created space from scratch. Turning to the most primitive model of the Siberian text, and starting from strong texts (most likely, *Voinarovsky* and *Crime and Punishment*), Akhsharumov intuitively determined its two limits: a short novel, which begins as a story of the New World, ends with a descent into the kingdom of the dead. Siberia, which became a part of an ideological project and showed opportunities for a utopian perception, turned out to be reversible and easily transposed into a dystopia. Thus, despite the low aesthetic quality and numerous formal flaws, *Citizens of the Forest* remains one of the most significant evi-

dences of spatial imagination, allowing to see in the choice of topos both ideological (from Icaria to Phalanstery) and conditionally biographical equestrianism (from family legends to political jokes). Siberia, as a space of imagination becomes the topos of an experiment continued by the writer in his fantastic story “Wanzamia”, directly replicating Cabet’s “Icaria”.

References

1. Bogdanova, A.A. (1970) *Sibirskaya tema v periodicheskoy pechati, al'manakhakh i sbornikakh XIX veka (1800–1900 gg.)* [The Siberian theme in periodicals, almanacs and collections of the 19th century (1800–1900)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
2. Mednis, N.E. (1987) Sibirskie rasskazy V.G. Korolenko v kontekste russkoy literatury i kul'tury XIX veka [Siberian stories by V.G. Korolenko in the context of the 19th-century Russian literature and culture]. In: Kuklina, E.A. (ed.) *Sibirskie stranitsy zhizni i tvorchestva V.G. Korolenko* [Siberian pages of the life and work of V.G. Korolenko]. Novosibirsk: Nauka. pp. 54–63.
3. Mednis, N.E. (2016) Kavkaz i Sibir' kak dva toposa russkoy literatury i kul'tury XIX veka [Caucasus and Siberia as two topoi of the 19th-century Russian literature and culture]. In: Bogodyorova, A.A. (ed.) *Russkiy travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy* [Russian travelogue of the 18th–20th centuries: routes, topoi, genres and narratives]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 21–36.
4. Dushechkina, E.V. (2003) “Ot Moskvyy do samykh do okrain...”: Formula protyazheniya Rossii [“From Moscow to the very outskirts...”: The formula for expanding Russia]. In: Bukharkin, P.E. (ed.) *Ritoricheskaya traditsiya i russkaya literatura* [Rhetorical tradition and Russian literature]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 108–125.
5. Tyupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o “sibirskom tekste” russkoy literatury [The Mythologem of Siberia: On the “Siberian text” of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 27–35.
6. Kazarkin, A.P. (ed.) (2003) *Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury* [Siberia in the context of world culture]. Tomsk: Sibirika.
7. Romodanovskaya, E.K. (ed.) (2011) *Syuzhetno-motivnye komplekсы russkoy literatury* [Plot and motif complexes of Russian literature]. Novosibirsk: Akademicheskoe izd-vo “Geo”.
8. Anisimov, K.V. (ed.) (2014) *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian text in the national plot space]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
9. Kiseleva, L.N. (ed.) (2012) *“Ideologicheskaya geografiya” Rossiyskoy imperii: prostranstvo, granitsy, obitateli* [“Ideological Geography” of the Russian Empire: Space, Borders, Inhabitants]. Tartu: Universitas Tartuensis.

10. Pecherskaya, T.I. (ed.) (2018) *Russkiy travelog XVIII – nachala XX vekov: annotirovannyi ukazatel'* [Russian travelogue of the 18th – early 20th centuries: An annotated index]. Novosibirsk: "Nemo Press".
11. Aizlewood, R. (2007) Leskov's Ledi Makbet Mtsenskogo uezda: Composition and Symbolic Framework. *The Slavonic and East European Review*. 3. pp. 401–440.
12. Anisimov, K.V. (2014) The Eastern Travelogue of the 19th-Century Russian Literature: The Imagination of Imperial Peripheries in the Perspective of Narrative Poetics (Introductory Observations). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 5–21. (In Russian).
13. Bloom, H. (1973) *The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry*. New York: Oxford University Press.
14. Volodina, N.V. & Sumarokova, L.A. (2015) N.D. Akhsharumov o romane F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" [N.D. Akhsharumov on F.M. Dostoevsky's "Crime and Punishment"]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 4. pp. 65–69.
15. Akhsharumov, N. (1867) Prestuplenie i nakazanie. Kritika [Crime and Punishment. A Critique]. *Vsemirnyy trud*. 3. pp. 130–154.
16. Akhsharumov, N. (1867) Grazhdane lesa [Citizens of the Forest]. *Vsemirnyy trud*. 4–6.
17. Akhsharumov, N. (1868) Na vysote [At the height]. *Vsemirnyy trud*. 5.
18. Svetlov, L.B. (1956) Russkiy antiklerikal'nyy pamflet XVIII v. [F. I. Dmitriev-Mamonov, "Dvoryanin-filosof"] [Russian anti-clerical pamphlet of the 18th century [Dmitriev-Mamonov, F.I. "The nobleman-philosopher"]]. In: *Voprosy istorii religii i ateizma. Sb. st.* [Issues of the history of religion and atheism. Articles]. Vol. 4. Moscow: USSR AS. pp. 373–382.
19. Kucherenko, G.S. (1975) *Sensimonizm v obshchestvennoy mysli XIX veka* [Saint-Simonianism in the social thought of the 19th century]. Moscow: Nauka.
20. Lanin, B.A. (1993) *Russkaya literaturnaya antiutopiya* [Russian literary dystopia]. Moscow: Russian Open University.
21. Kovtun, E.N. (1999) *Poetika neobychnogo. Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoy skazki, utopii, pritchi i mifa* [The poetics of the extraordinary. Fiction worlds of fantasy, fairy tale, utopia, parable and myth]. Moscow: Moscow State University.
22. Bagno, V.E. (1995) *Russkie utopii* [Russian utopias]. St. Petersburg: Terra Fantastica.
23. Heller, L. & Niqueux, M. (2003) *Utopiya v Rossii* [History of the utopia in Russia]. Translated from French by I.V. Bulatovskiy. St. Petersburg: Giperion.
24. Egorov, B.F. (2007) *Rossiyskie utopii: istoricheskiy putevoditel'* [Russian Utopias: A Historical Guide]. St. Petersburg: Iskustvo-SPb.
25. Kovtun, N.V. (2014) *Russkiy proekt ispravleniya mira i khudozhestvennoe tvorchestvo XIX–XX vekov* [The Russian project of correcting the world and artistic creativity of the 19th–20th centuries]. Moscow: Flinta.

26. Kazakov, A.A. (2012) *Tsennostnaya arkhitektonika proizvedeniy Dostoevskogo* [The value-based architectonics of Dostoevsky's works]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Kasatkina, T.A. (2015) *Svyashchennoe v povsednevnom: Dvusostavnyy obraz v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo* [The sacred in everyday life: A two-part image in F.M. Dostoevsky's works]. Moscow: IWL RAS. pp. 187–216.
28. Darkevich, V.P. (1992) *Narodnaya kul'tura Srednevekov'ya: Parodiya v literature i iskusstve IX–XVI vv.* [The Folk Culture of the Middle Ages: The Parody in Literature and Art of the 9th–16th centuries]. Moscow: Nauka.
29. Turgenev, I.S. (1980) *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: In 30 volumes]. Vol. 7. Moscow: Nauka.
30. *Sovremennik*. (1866) 2.
31. Baker-Smith, D. & Barfoot, C.C. (eds) (1987) *Between Dream and Nature: Essays on Utopia and Dystopia*. Amsterdam: Rodopi.
32. Gertsen, A.I. (1956) *Sobr. soch.: V 30 t.* [Works: In 30 volumes]. Vol. 8. Moscow: Nauka.
33. Semevskiy, V.I. (1905) Vstupitel'naya stat'ya [An introductory article]. In: Akhsharumov, D. *Iz moikh vospominaniy (1849–1851 g.)* [From my memories (1849–1851)]. St. Petersburg: Izd-e "Obshchestvennoy pol'zy".
34. Artemyeva, T. & Mikesheyn, M. (eds) (2000) *The Philosophical Age*. Almanac 12. Russian Utopianism: From an Ideal State to the Perfect Society. St. Petersburg: St. Petersburg Center for History of Ideas. (In Russian).
35. Riasanovsky, N. (1953) Fourierism in Russia: An Estimate of the Petrashevtsy. *American Slavic and East European Review*. 3. pp. 289–302.
36. Kaplan, F. (1958) Russian Fourierism of 1840's: A contrast to Hertsen's Westernism. *American Slavic and East European Review*. 3. pp. 161–172.
37. Ulanov, V.Ya. (1907) *Politicheskie protsessy nikolaevskoy epokhi. Petrashevtsy* [Political processes of Nicholas's era. The Petrashevtsy]. Moscow: Izd. V. Sablina.
38. Desnitskiy, V.A. (ed.) (1951) *Delo petrashevtsyev* [The Case of the Petrashevtsy]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: USSR AS.
39. Akhsharumov, D. (1905) *Iz moikh vospominaniy (1849–1851 g.)* [From my memories (1849–1851)]. St. Petersburg: Izd-e "Obshchestvennoy pol'zy".
40. Zotov, V.R. (1890) Peterburg v sorokovykh godakh [Petersburg in the forties]. *Istoricheskiy vestnik*. 2.
41. Egorov, B.F. (1984) *Pervye russkie sotsialisty* [The first Russian socialists]. Leningrad: Lenizdat.
42. *Golos*. (1867) 177. 29 June.
43. Reytblat, A. (2018) *Kak stanovyatsya sotsiologami literatury* [How one becomes a sociologist of literature]. [Online] Available from: <https://gorky.media/context/kak-stanovyatsya-sotsiologami-literatury/>.
44. Orlov, V.N. (ed.) (1940) *Poety-petrashevtsy* [The Petrashevtsy poets]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.